

Трансформация понимания знания в философии культуры Мишеля Фуко: от эпистем к дисциплине

И. А. Коркишко

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В статье анализируется философия Мишеля Фуко в контексте её вклада в изучение знания и власти. Рассматривается трансформация его идей: от анализа эпистем в «Словах и вещах» к изучению дисциплинарной власти в «Надзирать и наказывать». Цель работы состоит в анализе и сравнении этих двух подходов.

Содержание. В первой части рассматриваются эпистемы из «Слов и вещей» как исторически обусловленные структуры, задающие рамки возможного знания для каждой эпохи. Во второй части исследуются механизмы дисциплинарной власти, представленные в «Надзирать и наказывать», и их роль в формировании знания через наблюдение, нормализацию и контроль. Третья часть касается сравнения этих двух подходов Фуко, акцентируя внимание на взаимосвязи власти и знания, а также на переходе от анализа абстрактных структур к изучению конкретных социальных институтов.

Выводы. В ходе анализа было установлено, что концепт власть-знание, представленный в поздних работах Фуко, меняет понимание знания и эпистем, связывая их с властными дискурсами, которые начинают играть активную роль в формировании истины. Рассмотрение знания через призму власти позволяет интерпретировать каждый исторический период как пространство взаимосвязанных изменений, где власть и знание совместно создают реальность. Сам процесс трансформации эпистем может быть воспринят как политический процесс, который влияет на социальную организацию и способы управления обществом.

Ключевые слова: Мишель Фуко, знание, эпистема, власть, дисциплина, слова и вещи, надзирать и наказывать.

Для цитирования: Коркишко И. А. Трансформация понимания знания в философии культуры Мишеля Фуко: от эпистем к дисциплине // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 1. – С. 148–160. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_148. EDN: IFBVOM

The Transformation of the Understanding of Knowledge in Michel Foucault's Philosophy of Culture: From Epistemes to Discipline

Il'ya A. Korkishko

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article analyzes Michel Foucault's philosophy in the context of its contribution to the study of knowledge and power. It examines the transformation of his ideas from the analysis of epistemes in *The Order of Things* to the study of disciplinary power in *Discipline and Punish*. The aim of the work is to analyze and compare these two approaches.

Content. The first part examines the epistemes from *The Order of Things* as historically conditioned structures that set the framework for possible knowledge in each era. The second part explores the mechanisms of disciplinary power presented in *Discipline and Punish* and their role in shaping knowledge through observation, normalization, and control. The third part focuses on comparing these two approaches by Foucault, emphasizing the interrelation of power and knowledge, as well as the transition from analyzing abstract structures to studying specific social institutions.

Conclusions. The analysis shows that the concept of power-knowledge, presented in Foucault's later works, changes the understanding of knowledge and epistemes by linking them to power discourses, which actively shape truth. Viewing knowledge through the lens of power allows interpreting each historical period as a space of interconnected changes, where power and knowledge jointly create reality. The process of episteme transformation itself can be perceived as a political process influencing social organization and methods of governing society.

Key words: Michel Foucault, knowledge, episteme, power, discipline, *The Order of Things*, *Discipline and Punish*.

For citation: Korkishko, I. A. (2025) Transformatsiya ponimaniya znaniya v filosofii kul'tury Mishelya Fuko: ot epistem k distsipline [The Transformation of the Understanding of Knowledge in Michel Foucault's Philosophy of Culture: From Epistemes to Discipline]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 148–160. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_1_148. EDN: IFBVOM

Введение

Философия Мишеля Фуко остаётся одним из важных направлений для понимания современных социальных структур, взаимоотношений знания и власти, а также механизмов дисциплины. В своих работах Фуко задаёт вопросы о том, как формируется знание, какие структуры обеспечивают его легитимность и как оно связано с властными отношениями. Эти вопросы стали центральными для его исследований, начиная со «Слов и вещей» (1966), где анализируются исторически обусловленные эпистемы, и до «Надзирать и наказывать» (1975), где внимание сосредоточено на механизмах дисциплины.

В данной статье анализируется трансформация понимания знания в двух основных работах Фуко: от изучения эпистем к исследованию дисциплинарной власти. Если в «Словах и вещах» знание представлено как результат исторических условий, то в «Надзирать и наказывать» акцент смещается на то, как знание становится неразрывно связанным с властью. Это позволяет переосмыслить концепцию знания в работах философа и проследить эволюцию его идей.

Цель статьи заключается в анализе этого перехода и демонстрации того, как философия Фуко развивается от абстрактного анализа структур знания к исследованию конкретных институтов и механизмов власти. Такой подход позволяет не только подчеркнуть значимость этого перехода для философского проекта Фуко, но и дать более глубокое понимание взаимосвязи знания и власти.

Эпистемы и знание в «Словах и вещах»

В своей работе «Слова и вещи» Фуко представляет знание как исторически переменчивое, предполагая, что в разные эпохи оно формируется и осмысливается по-разному. Он отвергает взгляд на знание как на накопительный процесс, который на протяжении истории раскрывает перед нами универсальные истины природы. Напротив, в книге утверждается разрозненность знания, его прямая зависимость от эпохи, в дискурсивных рамках которой оно возникло. В качестве яркого примера можно рассмотреть упомянутую в предисловии к книге классификацию Борхеса из старинной китайской энциклопедии. В ней животные делятся на следующие категории:

«принадлежащие императору», «нарисованные очень тонкой кистью», «сбежавшие» и даже «те, которые только что разбили вазу» и др. [9, с. 28]. Эта классификация выглядит странной, если не сказать абсурдной, современному читателю, привыкшему к строго систематизированным научным категориям. Ощущается совершенная невозможность мыслить таким образом, тогда как для другого исторического периода подобная система могла быть абсолютно логичной, так как она пытается заполнить все пробелы, разделяющие одни существа от других.

Одним из ключевых понятий книги становится историческое априори – идея, что знание не существует само по себе, но формируется в рамках определённой эпохи. Эту структуру, задающую определённые рамки, в границах которой возможно знание, Фуко называет «эпистемой». Эпистема определяет, какие объекты могут быть предметами исследования, какие методы применяются и какие утверждения признаются истинными.

Первая, самая ранняя эпистема связывается с эпохой Ренессанса. Она основывается на категории сходства, поскольку именно оно играло ключевую роль в формировании нового знания. В силу сходства мир представлялся взаимосвязанным: каждая вещь посредством пространственной близости, внешнего сходства, соперничества или аналогии оказывалась в таинственных и запутанных отношениях с другими вещами, образуя для людей закодированное пространство, которое необходимо было правильно «истолковать». Язык был немислим и неотделим от вещей, поскольку он воспринимался как естественное продолжение мира, своего рода «знак», раскрывающий скрытые связи между явлениями. В эпоху Ренессанса знание сводилось к искусству интерпретации, где задача человека заключалась в умении «прочитать» этот закодированный текст природы и общества.

Вторая эпистема, которая приходит на смену, связана с классической эпохой¹. Начиная с этого момента сходство и подобие перестают быть формой знания, превращаясь, скорее, в препятствие, что может приводить к заблуждению. Ярким маркером эпохи являлся Декарт, утверждавший, что за внешним сходством люди усматривают и в своих суждениях приписывают вещам такие свойства, которые являются

¹ Понимание исторических эпох у Фуко отличается от общепринятых сегодня в русскоязычной среде. Так, под «классической эпохой» имеется в виду период, начиная с Декарта и середины XVII в. вплоть до «нового времени», которое берет свое начало с XIX в. и продолжается по сегодняшний день.

истинными только для одной из них [3, с. 78]. Отныне знание должно являться точным познанием тождеств и различий между вещами. Деятельность ума теперь связывается с аналитической способностью различать и, исходя из тождеств, указать необходимый переход от одной вещи к другой, создавая ясное и отчетливое *представление*. Этот подход приводит к расцвету классификаций, таких как биологическая система Карла Линнея, и формированию научной картины мира, основанной на законах природы. Язык становится прозрачным и нейтральным, чтобы максимально отчетливо соответствовать вещам.

Последняя эпистема относится к периоду новейшего времени. По мнению Фуко, основной чертой данной эпохи является поворот к субъекту и «изобретение» человека как центрального объекта знания. Именно человек становится одновременно и познающим субъектом, и исследуемым объектом, в результате чего формируются такие науки, как психология, социология, антропология. Эти науки направлены на изучение человека не только как отдельного индивида, но и как существа, встроенного в сложные исторические, социальные и культурные процессы. Знание стало историческим и осмысливается не как вечная истина, а, скорее, как результат исторического развития. Язык перестает быть прозрачным посредником между миром и мышлением, а сам становится предметом изучения.

В своих ранних работах 1960-х гг. Фуко анализирует курсы, которые позволяют понять, какие исторические условия делают возможным возникновение тех или иных идей и концепций. Он отказывается от единых причинно-следственных связей (как и от единой истины), сосредоточиваясь на структурах и правилах, которые задают пределы мысли и определенную форму знания в каждую эпоху. Таким образом, вскрывается различие, обнаруживается разрыв и трансформации в дискурсах каждой эпохи. Фуко фокусируется не на разнице в содержании текстов, а на правилах, которые их определяют. Социальные и исторические правила выступают ключевыми фигурами для формирования знания.

Помимо этого, эпистемы оказывают сильнейшее влияние на общество. Они определяют, какие вопросы могут быть поставлены, а какие истины признаны: «Знание – это также то пространство, где субъект может занять позицию, чтобы говорить

об объектах, с которыми он имеет дело в своем дискурсе» [10, с. 334]. Например, аналитическая структура классической эпохи способствовала развитию экономических и технологических процессов в обществе, а в новейшее время фокус на человеке как объекте знания способствовал развитию гуманитарных наук и социальных институтов. Эпистема, помимо формирования определенного типа знания, формирует также социальные нормы, правила поведения и способы организации жизни.

Дисциплина и знание в работе «Надзирать и наказывать»

Если в «Словах и вещах» Фуко исследует эпистемы как структуры, определяющие условия формирования знания, то в «Надзирать и наказывать» внимание смещается на механизмы власти и дисциплины. Власть рассматривается как сеть неизменно напряженных, активных отношений, а не как привилегия, которой можно обладать [8, с. 36]. Теперь французский философ обращается к политической подоплеке, – где знание не только отражение определенной эпохи, но и средство, при помощи которого осуществляются контроль и регуляция поведения общества, ср.: «Главное в его подходе – взаимосвязь власти и знания» [2, с. 26]. С самого начала книги предлагается отбросить предрассудки о том, что знание может существовать независимо от предписаний, требований и интересов власти. Напротив, они неразрывно связаны: «Скорее, надо признать, что власть производит знание (и не просто потому, что поощряет его, ибо оно ей служит, или применяет его, поскольку оно полезно); что власть и знание непосредственно предполагают друг друга; что нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти» [8, с. 37].

Фуко начинает с описания казни Дамьена в 1757 г., иллюстрируя, как власть суверена утверждала себя через публичные акты насилия. Власть демонстративно проявлялась на теле преступника, свидетельствуя о своем абсолютном контроле над подданными. Знание при этом не занимало центрального места в механизме власти, хотя и существовали формы знания, неразрывно с ним связанные: юридические практики, религиозные догмы и другие инструменты контроля.

Со временем такие методы власти начинают вытесняться новыми, более тонкими, эффективными и экономичными дисциплинарными практиками. В отличие от публичных наказаний, дисциплинарная власть опирается на наблюдение и нормализацию. Целью дисциплинарной власти становится не тело, а душа индивида – совокупность его социальных, психологических и биологических характеристик. Именно в ней соединяются и выражаются как проявления власти, так и предметная область знания. Переход от власти, основанной на зрелищных актах насилия, к власти, опирающейся на постоянное наблюдение, знаменует собой не только изменение подходов к контролю, но и формирование новых областей знания, таких как криминология, психология и педагогика.

Исторически дисциплинарная власть берет своё начало в монастырских и армейских уставах, где порядок, изоляция и строгое расписание служили инструментами контроля и организации. Со временем эти практики распространяются на гражданское общество через такие институты, как тюрьмы, больницы, школы и фабрики. Дисциплина распределяет индивидов в пространстве, изолируя их, классифицируя и определяя наиболее эффективное место для каждого. Контроль осуществляется через распределение рабочего времени, дегализацию и нормализацию каждого действия.

Универсальной моделью дисциплины, по мнению Фуко, выступает проект паноптикона Бентама: цилиндрическое строение со стеклянными внутренними перегородками, где стражник находится в центральной башне, будучи невидимым для заключенных. Узники не знают, в какой момент за ними могут наблюдать, в связи с чем создается ощущение постоянного контроля, где они вынуждены всегда следить за своими действиями.

Указанные дисциплинарные механизмы формируют не только порядок, но также и новое знание об индивидах: каждый элемент общества в условиях прозрачности становится объектом индивидуального изучения, его способности измеряются, поведение записывается, а отклонения от нормы фиксируются. Это способствует развитию нормы как категории, которая не только определяет, что считается правильным или наказуемым, но и служит основой для формирования «нормального» индивида в обществе. Норма становится про-

дуктом дисциплинарной власти, превращая каждого индивида в проводника этой власти, создавая реальность и истину, основанные на этих же нормах.

Каждый член общества подвергается объективации через экзамен, создавая новые формы самоотношения: субъект начинает воспринимать себя как объект наблюдения и самонаблюдения, постоянно оценивая свои действия. Экзамен, в свою очередь, не только проверяет знания и способности индивида, но и создает определенное знание для власти, что позволяет классифицировать и оценивать индивидов, выявляя их отклонения и «недочеты», а также производя новое знание о людях, которое служит для дальнейшего управления и контроля. Эти практики способствуют формированию послушных индивидов, соответствующих заранее установленным стандартам, обеспечивая тем самым стабильность дисциплинарной власти и производя определенную социальную реальность.

Такой подход создаёт основу для развития наук о человеке, таких как психология, социология и антропология, где индивид становится объектом систематического изучения и анализа. Именно через дисциплинарные механизмы человек был преобразован в объект научного познания, а его поведение и внутренний мир – в предмет изучения: «Это знание, которое определяется целями и задачами власти и присущим ей аспектом видения своих объектов» [1, с. 174]. Наука о человеке теперь имеет возможность изучать и классифицировать индивидов, их способности, отклонения от норм и соответствие им, делая это частью более широкой дисциплинарной власти, направленной на управление и упорядочивание общественного поведения: «Власть продуктивна в той мере, в какой она не сводима к одной определенной властной инстанции, но пронизывает все дискурсы и виды деятельности в обществе, накладывая на них свою неизгладимую печать, развивая под определенным углом и тем самым обуславливая производимые ими продукты» [7, с. 61].

Таким образом, дисциплинарная власть не только управляет поведением индивидов, но и активно участвует в формировании их субъектности, производя новое знание об индивиде и создавая новые формы социальной реальности, что служит основой для формирования целого ряда наук, изучающих человека.

Сравнение подходов

Переход от анализа эпистем в «Словах и вещах» к исследованию дисциплинарных механизмов в «Надзирать и наказывать» знаменует важный сдвиг философии Мишеля Фуко в подходе к изучению знания. В первой работе он концентрируется на исторических условиях, которые делают знание возможным, во второй – он исследует неразрывную взаимосвязь знания с механизмами власти. В итоге весь исторический проект оказывается пересмотрен, поскольку знание теперь определяются не только рамками эпохи, но также и рамками отношений власти: «Использование динамического аспекта проблемы наказания как эпистемологического условия связи власти и знания одновременно является и способом трансформации модели познания, в которой "главную роль играет субъект"; в результате генеалогическое единство власти и знания оказывается эпистемологическим пределом любой исторической воли к знанию» [6, с. 162].

Соответственно можно сделать вывод, что каждая из представленных эпистем может быть переосмыслена в связи с вводом отношений власти и знания.

1. Эпоха Ренессанса характеризовалась категорией сходства и символическими связями, которые необходимо правильно «расшифровать». Однако теперь можно также добавить, что с точки зрения властных отношений привилегией правильной «расшифровки» обладал лишь узкий круг элит, задействованный в этих отношениях: ученые при дворе, священники, маги. Последние выступали посредниками между «сакральным» миром и обществом, а их интерпретации были неподвластны оспариванию. Здесь еще нет дисциплины, однако сама структура общества налагает определенный способ производства знания, легитимизирующий существующее положение вещей.

2. В классической эпистеме знание стремится к классификации и аналитике. Примечательно, что, по Фуко, именно в эту эпоху зарождается дисциплинарная власть, которая в один момент осознает всю неэффективность и громоздкость системы наказаний прошлых эпох. Поэтому точно также как знание старается максимально эффективно описывать ясное представление, власть начинает максимально эффективно управлять индивидами, позаимствовав приемы муштры и дисциплины в монастырях и армии.

3. В новейшее время центральным объектом знания становится человек как субъект и объект одновременно. В этот исторический период уже окончательно формируется дисциплинарная власть, которая через свои механизмы фиксирует и нормализует индивида, распространяясь на все общество. Изучается каждый отдельный индивид, а получаемое знание используется для более эффективного дисциплинарного контроля и регуляции. Параллельно становится возможным целый корпус знаний, центром которых является человек – гуманитарные науки.

Введение концепта власти-знания трансформирует понимание эпистем: каждая из них оказывается не только набором исторически обусловленных правил, но и способом осуществления власти. Кроме того, смена эпистем может рассматриваться как политический процесс, определяющий, каким образом общество организуется, структурируется и управляется. Во многом, по мнению некоторых исследователей, подобный поворот можно объяснить влиянием Ницше [4, с. 402; 5, с. 56].

Закономерно возникает вопрос: как историческое априори из ранних работ соотносится с властными дискурсами из поздних, в контексте формирования знания? Поскольку с вводом власти-знания мы уже не можем говорить об изолированных друг от друга эпистемах, которые обусловлены исключительно исторически, теперь возникает фактор, так или иначе влияющий на любое знание в каждый исторический промежуток. Из этого ни в коем случае не следует вывод, что знание полностью подконтрольно властным отношениям. Подобный подход означал бы создание единой истории власти через эпохи, что изначально противоречит проекту «Слов и вещей». Однако, в контексте поздних работ Фуко о власти мы уже не можем говорить о непроницаемых друг для друга пространствах эпистем, которые делают невозможным понимание одной эпистемы изнутри другой, так как теперь у них есть связующее звено. Данный проект представляется возможным с вводом различного понимания власти для каждой эпохи, что в контексте работ Фуко является пространством для дальнейшего изучения.

В своей философии Фуко постепенно отходит от абстрактных, универсальных концептов, таких как эпистемы, и двигается в сторону анализа конкретных институтов, таких как тюрьмы, школы, больницы, где знание и власть начинают

реализовываться на практике. Этот переход можно рассматривать как смещение от теоретических моделей к исследованию реальных исторических механизмов власти, которые влияют на индивида и общество. В «Словах и вещах» Фуко занимается изучением глубоких, скрытых структур знания, которые определяют, что возможно знать в определенные исторические эпохи. Однако в «Надзирать и наказывать» он уже обращается к конкретным институтам, где это знание практикуется, контролируется и используется для управления телами людей.

Выводы

Проанализированная в статье трансформация знания от анализа абстрактных структур («Слова и вещи») к исследованию конкретных институтов и дисциплинарной власти («Надзирать и наказывать») позволяет увидеть, что знание у Фуко никогда не существовало изолированно от исторических и социальных условий, а его формирование в дальнейшем было связано с механизмами власти.

Эпистемы в «Словах и вещах» формируются как исторически обусловленные структуры, определяющие рамки возможного знания. Фуко показывает, что в разные эпохи знание формируется по различным правилам: от символических связей Ренессанса до «изобретения» человека в Новейшее время. Эти изменения подчёркивают, что знание всегда зависит от исторического контекста.

Дисциплинарная власть в «Надзирать и наказывать» через наблюдение и нормализацию формирует поведение индивидов, создавая новое знание о них. Институты, такие как школы и больницы, становятся одновременно инструментами контроля и производства истины.

В результате анализа было выявлено, что концепт власти-знания из поздней работы Фуко трансформирует понимание знания и эпистем, связывая их с механизмами власти, которые активно участвуют в формировании истины. Понимание знания через призму власти позволяет рассматривать каждый исторический период как поле для взаимосвязанных изменений, где власть и знание формируют реальность, а сама трансформация эпистем может рассматриваться как политический процесс, определяющий социальную организацию и управление об-

ществом. Этот сдвиг в философии Фуко отражает изменение в восприятии субъекта, который из активного агента познания превращается в объект и инструмент власти.

Список литературы

1. Бокарева О. Б. Концепция власти и понятие «Власть-знание» в философии Мишеля Фуко // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2019. – № 3–1. – С. 172–175.
2. Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю. Идеи М. Фуко об образовании как социальном институте // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. – 2015. – № 2 (35). – С. 25–32.
3. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: пер. с лат. и франц. Т. 1 / под ред. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
4. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. – СПб.: Алетейя, 2015. – 672 с.
5. Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / под ред. О. В. Хархордина // *Труды ф-та полит. наук и социологии*. – СПб.: Европейский ун-т в СПб.; Летний сад, 2001. – 349 с.
6. Рязанов И. В. Власть и наказание в генеалогическом проекте М. Фуко // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. – 2019. – № 2. – С. 158–168.
7. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001. – 240 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы: пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства "Гараж", 2023. – 416 с.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – СПб.: А-скад, 1994. – 408 с.
10. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – 416 с.

References

1. Bokareva, O.B. (2019) *Koncepciya vlasti i ponyatie «Vlast'-znanie» v filosofii Mishelya Fuko* [The concept of power and the notion of "power-knowledge" in Michel Foucault's philosophy]. *Mezhdunarodny' zhurnal gumanitarny'h i estestvenny'h nauk* [International journal of humanities and natural sciences]. No. 3–1. Pp. 172–175. (In Russian).
2. Vishnevskij, Yu. R., Vishnevskij, S. Yu. (2015) *Idey M. Fuko ob obrazovanii kak social'nom institute* [Michel Foucault's ideas about education as a social institution]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Surgut State Pedagogical University journal]. No. 2 (35). Pp. 25–32. (In Russian).
3. Sokolova, V.V. (1989) (ed.) *Descartes, R. Sochineniya v 2 t.: Per. s lat. i francz. T. 1* [Descartes, R. The Complete Works in 2 Volumes: Translated from Latin and French. Vol. 1]. Moskva: Mysl' (In Russian).
4. D'yakov, A. V. (2015) *Mishel` Fuko i ego vremena* [Michel Foucault and His Time]. Sankt-Peterburg: Aleteya (In Russian).
5. Harhordin, O. V. (2001) (ed.) *Mishel` Fuko i Rossiya: Sb. st.* [Michel Foucault and Russia: A Collection of Articles]. *Trudy` f-ta polit. nauk i sociologii* [Proceedings of the Faculty of Political Science and Sociology]. Sankt-Peterburg: Letnij sad (In Russian).
6. Ryzanov, I. V. (2019) *Vlast` i nakazanie v genealogicheskom proekte M. Fuko* [Power and Punishment in Foucault's Genealogical Project]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University journal]. No. 2. Pp. 158–168 (In Russian).
7. Sokuler, Z. A. (2001) *Znanie i vlast`: nauka v obshhestve moderna* [Knowledge and Power: Science in the Modern Society]. Sankt-Peterburg: RHGI (In Russian).
8. Foucault, M. (2023) *Nadzirat` i nakazyvat`. Rozhdenie tyur'my`*: per. s francz [Discipline and Punish. The Birth of the Prison: Translated from French]. Sankt-Peterburg: Ad Marginem Press: Muзей sovremennogo iskusstva "Garazh" (In Russian).
9. Foucault, M. (1994) *Slova i veshhi. Arheologiya gumanitarny'x nauk* [Words and Things. An Archaeology of the Human Sciences]. Sankt-Peterburg: A-cad (In Russian).

10. Foucault, M. (2004) *Arheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga (In Russian).

Об авторе

Коркишко Илья Анатольевич, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0001-7084-8136, e-mail: 2dragow2@gmail.com

About the author

Ilya A. Korkishko, Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation; ORCID ID: 0000-0001-7084-8136, e-mail: 2dragow2@gmail.com

Поступила в редакцию: 14.01.2025
Принята к публикации: 14.02.2025
Опубликована: 11.03.2025

Received: 14 January 2025
Accepted: 14 February 2025
Published: 11 March 2025